

Н. Д. БАРАБАНОВ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХ АФАНАСИЙ I О НЕДУГАХ ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIII—XIV ВВ.

Эпистолярное наследие константинопольского патриарха Афанасия I (14.X.1289—16.X.1293, 1303—1309) уже неоднократно привлекало внимание исследователей¹. Авторы, которые в разное время обращались к данным его переписки, единодушно отмечают, что высокое положение в церковной и государственной иерархии, образованность, глубокая осведомленность в делах империи, реформаторская деятельность и страстная борьба за усиление византийской церкви и самой Византии позволяют назвать Афанасия I одним из величайших людей своего времени.

Яркая картина кризисной ситуации в социально-экономической и духовной жизни византийского общества на рубеже XIII—XIV вв., которую изобразил в своих письмах Афанасий I, показывает, что он великолепно осознавал трагизм положения, сложившегося в империи во время правления Андроника II Палеолога (11.XII.1282—24.V.1328). Патриарх выделил и обосновал те причины, которые, по его мнению, поставили Византию на край пропасти.

Цель данной статьи — изучение а) недугов, выделяемых Афанасием I; б) причин их появления; в) способов их излечения, которые предлагает Афанасий I.

Историческая обстановка, сложившаяся в Византии на рубеже XIII—XIV вв. (время деятельности Афанасия I), отличалась особой сложностью. Внешнее положение было очень тяжелым. Развивалось наступление турок в Малой Азии. Войска сербского князя Милутина опустошали Македонию, а воюющие Генуя и Венеция — побережье империи. С сентября 1303 г. Византия была втянута в трагические события каталонской компании, в результате которых наемниками Рожера де Флора были разгромлены Фракия и балканские владения империи.

Во внутренней жизни Византии этого периода наблюдались упадок ремесленного производства², феодального землевладения в Малой Азии³, кризис податной системы⁴, жестокая финансовая нужда⁵, распространение пагубной системы наемничества⁶ и роспуск флота⁷, увеличение военных расходов⁸, которые в совокупности усилили трагизм

положения государства на этапе борьбы центробежных и центростремительных сил, что, естественно, накладывало глубокий отпечаток на все стороны жизни и все институты Византийской империи. Самым серьезным образом эта обстановка сказалась на всей деятельности константинопольского патриарха Афанасия I, в письмах которого мы находим страстное желание преобразований и реформ с целью спасения государства.

Жизнь и деятельность патриарха Афанасия I известна нам, главным образом, по рассказам Георгия Пахимера и Никифора Григоры, а также из жизнеописания, составленного в середине XIV в. Иосифом Калофетом (Бан., 53) или Филофеем Коккиным⁹.

Пахимер и Григора оставили портрет патриарха как аскета и отшельника, человека сурового и твердого характера (Бан., 28—29). Житие, составленное в соответствии с традицией византийской агиографии, отмечает, что Афанасий I обладал многими добродетелями и среди прочих — прекрасным даром речи¹⁰.

Родившись в начале XIII в. в Андрузе (Биос., 2.30) или Андрианополе (Гийан., 121) и получив имя Алексия¹¹, будущий патриарх переехал затем в Фессалонику, где стал монахом. Проведя часть жизни в скитаниях, Акакий (под этим именем Алексий был пострижен в монахи) восемь лет посвятил изучению книг в библиотеке монастыря св. Лазаря, где он принял имя Афанасия¹². Пахимер и Григора единодушно отмечают высокую для своего времени образованность патриарха (Гийан., 124), что блестяще подтверждают и его письма. Анахоретствуя на горе Гализия, Афанасий начал проповедовать против константинопольского патриарха Векка, взволновавшего византийскую церковь политикой союза с Римом (Гийан., 122). Переселившись на гору Ганос, где он жил некоторое время окруженный учениками, Афанасий покинул ее, когда был провозглашен патриархом (Гийан., 122). Из сообщений Пахимера и Григоры, из данных жития и писем патриарха известно время его правления, которое он вынужден был дважды прервать из-за враждебности епископов и архонтов. Отрекшись в последний раз, он ушел в монастырь Ксеролоф, где умер в возрасте около 100 лет (Гийан., 122).

Эпистолярное наследие патриарха Афанасия I составляет 126 писем, из которых 96 еще не опубликованы¹³. Большая часть этих писем адресована императору¹⁴.

Переписка показывает, что на протяжении всей деятельности патриарха одной из основных его задач было установление мира и единства византийской церкви. Взойдя на патриарший престол, Афанасий I застал церковь разрушаемой спорами арсенитов и иосифлян. Епископы покинули свои епархии и утвердились в столице. Младшее духовенство вышло из повиновения центральной духовной власти, а монашество разлагалось морально. Составитель жития отмечает, что Афанасий I с самого начала резко выступил против «сеятелей плевел» (Биос., 12.9), которые подрывали авторитет православной церкви.

Патриарх выделил несколько причин, из которых происходила угроза могуществу, единству и авторитету византийской церкви (Гийан., 133). Во-первых, это сторонники союза церквей. Во-вторых, — вносящие

раздоры арсениты. К третьим и четвертым он отнес патриарха Александрийского и епископа Тира, которые вели жестокую борьбу против Афанасия I. В скором времени их поддержали недовольные слишком жесткой политикой патриарха епископы Сард, Халкедона, Пергама, а также патриарх Антиохии. В-пятых, это те, кого Афанасий I называл ксилотами (Гийан., 134). По словам патриарха, это большей частью монахи, которые прячутся в шкуру овец, чтобы смешаться с теми, кого пасут, и иметь возможность уничтожать овец стада Христова. Они создают лишь видимость набожности, живут в изнеженности и мало тревожатся отлучением от церкви и запретом посещать раскольников (Гийан., 134). Против них патриарх написал длинное письмо — катехизис, где он привел каноны различных синодов относительно раскольников, отказывавшихся признавать авторитет своих епископов и епископов, которые отделялись от своих митрополитов и не повиновались патриарху (Гийан., 134). Афанасий I сурово критиковал духовенство за жадность (Аф., ер. I.3) и возвращал бежавших в Константинополь епископов в их епархии (Аф., ер. 2). Важным средством усиления авторитета христианской церкви он считал борьбу с истинными врагами, к которым относил евреев, армян и турок. Афанасий I считал их «осквернителями»¹⁵ и в одном из писем просил императора не позволять евреям и армянам строить свои моленные дома среди христианских (Бан., 35).

Патриарх решительно выступил против существования смешанных монастырей, которые способствовали растлению монашества (Гийан., 132). Афанасий I обновил запрет на связь с женщинами внутри церковной ограды (Гийан., 136).

Отмечая в одном из писем, что «господь не есть бог смуты и войны, но бог мира и порядка» (Гийан., 135), Афанасий I изо всех сил боролся за установление мира и единства в византийской церкви. Залог этого он видел в самой решительной централизации духовной власти и неукоснительном соблюдении всех прежних канонов и догматов.

Особую заботу патриарха вызывали страдания «божьего народа». Составитель жития отмечает, что Афанасий I был против врагов народа и желающих гибели христиан (Бнос., 12.9—15). К ним он относил «жаждущих несправедливости и грабежа и считающих личную выгоду от несчастья народов и в пожирание хлеба желающих сожрать и божий народ» (Аф. ер. 4.6—9). а также и «корыстолюбцев, присвоивших себе вечное собиранье общих сокровищ, а народу божьему — бедность уделяющих от алчности и жестокости» (Аф., ер. 9.3—6). Видимо, давая им определение, Афанасий I проводил параллель с известными текстами Давидова псалма: «Неужели не вразумятся делающие беззаконие, снедающие народ мой, как хлеб, и не призывающие бога?»¹⁶. Письма патриарха позволяют судить, что под «божьим народом» он понимал торгово-ремесленные слои Константинополя, которые наиболее страдали от голода, злоупотреблений архонтов и засилья латинян. Сюда же относил он птохов²⁰ и апоров (Аф. ер. 10.13).

Бурную деятельность развернул патриарх Афанасий I в связи с ужасным голодом, потрясшим Константинополь в первые годы XIV в.

Уже в 1285—1294 гг. зерно приходилось закупать на Радосто и Монеувасии по высокой цене от 1 перпера 14 керов до 2 перперов за модий¹⁷. Пик голода пришелся на 1306—1307 гг.¹⁸, когда «погибали целые семьи и мертвые люди валялись на мостовых улиц. Таким ужасным было это бедствие, что те, кто выжил, чувствовали себя как в могиле»¹⁹. Афанасий I вел борьбу с голодом двумя путями. Во-первых, он заготавливал продовольствие для бедных и открывал столовые. Об этом мы узнаем из письма, в котором патриарх просит у императора разрешения на заготовку дров для костров. Он просит «приказать людям с гор дать мне разрешение заготовить дров не больше, чем я могу желать, но столько, чтобы это оказалось достаточным»²⁰.

Патриарх открывал столовые для бедных за счет фондов церкви. После сражения при Апросе в 1305 г. он урезал доходы высшего духовенства, гарантировав сумму 6—8 перперов в год, что вызвало решительный протест среди священников²¹. Составитель Афонского патерика сообщает о приказе патриарха раздавать хлеб голодающим и женским монастырям, которые беднее других²².

Второй путь борьбы с голодом состоял в установлении более решительного контроля за торговлей продовольствием в Константинополе. Обращая внимание императора на то, что хлеб в Константинополе продается не по справедливой цене и плохого качества — шелуха и прогнившее зерно (Аф., ер. 10.7—8), патриарх призывал Андроника II не доверять заведование торговлей архонтам, которых он обвинял в коррупции (Аф., ер. 6.47), а выдвигать на этот пост лиц, которые занимались бы этим не ради подарков и даяний, но ради сострадания и истины божьей и справедливости (Аф., ер. 10.3—6). В частности, он предлагал поручить контроль над хлебной торговлей севасту Дермокаиту (Аф., ер. 9.9—11). Желая переместить всю хлебную торговлю в руки государства, Афанасий I грозил «собрать народ и отлучить от церкви и предать анафеме всех торговцев зерном в розницу» (Гийан., 139).

Особо Афанасий I поднимал вопрос о пришлых, которые наводнили Константинополь и также жестоко страдали от голода. Патриарх предлагал императору переложить заботу о переселенцах на архонтов с тем, чтобы каждый из них помог беженцам, насколько может (Аф., ер. 5.4—6). Для этой цели патриарх написал письмо, которое было прочитано во дворце в присутствии архонтов (Аф., ер. 5.8). В письме Афанасий I предлагал, «чтобы каждый принял участие по мере сил, чтобы сделал до лета или дал, сколько намеревается, на прокормление» (Аф., ер. 5.8—10). Заботы патриарха о пришлых позволили составителю его жития сравнить деяния Афанасия I с евангельским чудом накормления 5000 пятью хлебами (Биос., 44, 6—8)²³.

Одной из причин бедственного положения ромеев патриарх считал засилье латинян. В одном из писем он сообщал императору о голоде и лишениях среди ромеев, поскольку золото и серебро во власти латинян (Аф., ер. 9.14—15). Он называл латинских наемников «кровопийцами» (Бан., 42). Афанасий I предлагал ряд мер для обеспечения большей безопасности Константинополя. Он предлагал не впускать никого в

город вооруженным, особенно — латинян (Аф., ер. 6.10—11). С этой же целью он призывал императора «совершать без робости постоянные передвижения вокруг стен и ворот города» (Аф., ер. 6.7—8), поскольку «глаза ушей вернее» (Аф., ер. 6.10). Отмечая наличие турецкой опасности, Афанасий I рисовал в своих письмах плачевную ситуацию районов, оккупированных турками, и призывал императора опоясаться мечом и дать отпор (Бан., 39—40). Активные призывы к борьбе являются характерными для Афанасия I — в одном из писем он решительно призвал Андроника II обратить позор на врагов (Аф., ер. 4.5—6).

Переписка Афанасия I позволяет судить, что патриарх великолепно знал характер Андроника II и умело это использовал, чтобы влиять на императора. Даже в первый раз отрекшись и находясь в монастыре Хоры, Афанасий I не прерывал своего влияния на Андроника II²⁴. Это сыграло свою роль — император настоял на возвращении Афанасия I на патриарший престол. В своем письме к патриарху относительно второго его приглашения Андроник II обещал ему охранять церковь и «иметь по отношению к ней послушание рабское и подчиняться ей во всем, что законно и соответствует воле бога»²⁵. Афанасий I позволяет себе вмешиваться в семейные и личные дела императора (Гийан., 129). Он пишет о скверном поведении сына императора — деспота Константина, который «разъезжает вооруженный в повозке по ночам в компании детей епарха и делает скандалы» (Гийан., 129). Афанасий I строит планы женитьбы деспота Иоанна (Гийан., 130) и пытается вмешаться в отношения Андроника II и его жены Ирины с тем, чтобы сблизить двух супругов (Гийан., 128). Но даже столь сильное влияние на императора не могло защитить патриарха от враждебности крайне недовольных его политикой епископов — Афанасий I был оклеветан врагами, обвинен в иконоборчестве и использовал это как предлог для вторичного ухода, хотя обман был раскрыт²⁶.

Ясно представляя себе кризисную ситуацию в империи и недуги, поразившие византийское общество, патриарх находил главную причину столь тяжелого положения государства в проявлении гнева божьего. Ромеями забыта христианская мораль и дух Евангелия — за это следует наказание. «Крик о беззаконии и испорченности восклицается к богу не всем народом, но больше одинокими и священниками, откуда негодование и гнев бога» (Аф., ер. 3.1—3). По словам патриарха, вместо возвращения к богу и необходимого раскаяния, вместо отказа от тщетных устремлений и пагубных дел и совершения дел, угодных богу, ромеи занимаются притеснением бедных²⁷. Единственную возможность спасения империи Афанасий I видел в реформе морали, которая должна была состоять в возвращении к прежним идеалам (Аф. ер. 3). Для этого необходимо было поднять и укрепить веру в народной массе. Афанасий I, чтобы заставить народ молиться, требовал закрытия мастерских, лавок и бань на весь воскресный день, когда весь народ должен был присутствовать на молитве в Святой Софии (Гийан., 136). О. Тафрали отмечает, что такой закон был обнародован Андроником II в 1306 г.²⁸ С той же целью Афанасий I требовал запрета различного рода гаданий и скоморошских потех (Гийан., 136).

Спасти гибнущую Малую Азию может только бог (Аф., ер. 3.8). Только бог может смягчить бедствия, обрушившиеся на империю.

Называя императорскую власть «от бога царской властью», Афанасий I считал ее способной разрешить стоящие перед обществом проблемы (Бан., 48). Одной из важнейших мер, которые он предлагал императору наравне с реформой морали, было установление правового порядка в городах. «Подобно тому, как неотъемлемым свойством солнца является — светить и греть, так и для царского величества — справедливость и благозаконие городов, а отсюда, от законности и общей разумности, и для народа — милость божья» (Аф. ер. 9.1—13). Для «этого похищающие смело или налогами или обманом или прочие, разложившиеся в постыдных делах, пусть осуждаются справедливейше» (Аф., ер. 4.10—11). Наделенная от бога могуществом императорская власть должна мужественно защищать законы и церковь (Аф., ер. 4.11—13).

Относя к главным недугам современного ему общества падение общественных нравов, падение авторитета церкви, спекуляцию продовольствием, злоупотребления архонтов и засилье латинян, приносящие страдания божьему народу, Афанасий I предлагал императору осуществить ряд мер, способных вернуть империи расположение бога и тем самым укрепить положение государства. К этим мерам относятся: 1) усиление авторитета церкви; 2) реформа морали; 3) усиление контроля за торговлей продовольствием; 4) установление правового порядка в городах.

Вывод П. Караниса²⁹ и К. П. Мачке³⁰ о полном отсутствии контроля за экономикой Константинополя при Андронике II Палеологе, сделанный на основании писем патриарха Афанасия I, представляется нам преждевременным. Можно согласиться с П. Каранисом, что был крайне слаб контроль за деятельностью пекарен, но переносить этот частный случай на все ремесло и торговлю Константинополя не совсем верно. Письма Афанасия I создают впечатление, что патриарх ратовал не столько за то, чтобы вновь установить контроль, сколько за то, чтобы доверить его лицам справедливым и неподкупным, которые могли бы осуществить его настоящим образом. Афанасий I неоднократно выступал против константинопольских архонтов, отмечая, что они не повинуются императору, продажны и корыстолюбивы. Он предлагал Андронику II назначать на ответственные посты людей преданных, честных, справедливых. Данные жития, приведенные Н. Банеску, свидетельствуют, что Афанасий I, заботясь о голодающих, лично содействовал открытию продовольственных лавок (Бан. 53). Письма ритора константинопольской школы Феодора Гиртакина свидетельствуют, что правительство Андроника II Палеолога проявляло заботу о ремесленниках. Гиртакин сообщает о раздаче продовольственных пайков медникам и стекольщикам³¹. Заработку и положению ремесленников завидовали некоторые слои населения Константинополя, например учительство³². Таким образом, можно заключить, что на рубеже XIII—XIV вв. контроль государства за экономической жизнью Константинополя, хотя и ослабленный в отдельных случаях, все же существовал.

Решительно выступая за усиление императорской власти, за усиление контроля за хлебной торговлей и установление правового порядка в городах, патриарх Афанасий I отразил интересы торгово-ремесленных слоев византийского города, положение которых было наиболее бедственным. Невольно Афанасий I связывал возможность улучшения внутреннего состояния империи с изменением положения торгово-ремесленных слоев, которые начиная с этого времени становятся самой взрывоопасной силой византийского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует отметить работы: R. Guiland. La correspondance inédite d'Athanase, patriarche de Constantinople (1289—1293, 1304—1310).—*"Mélanges Charles Diehl"*, premier volume (histoire). Paris, 1930, p. 121—140 (далее — Гийан.); N. Banescu. Le patriarche Athanase I et Andronic II Paleologue. Etat religieux, politique et sociale de L'empire. Academie Roumaine.—*"Bulletin de la section historique"*, 23, 1942, p. 28—56 (далее — Бан.); Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. 3. М.—Л., 1948, с. 660—661; P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organisation of the Byzantine Empire in the Thirteenth Century and Later.—*B. S.*, v. 12, 1951, p. 151; Gennadios Eliupoleos (Aramadjoglou). Tou oicoumenicou patriarchou Athanasiou I epistolimatai didascalaii pros ton autocratora Andronicon II.—*Orthodoxia*, 27, 1952, s. 113—120, 173—179; G. Arabadjoglou. Sur une lettre du Patriarche de Constantinople Athanase I—Pepragmena Th. Diethn. Bysantinol. Synedriou (1953), 2, Athenai, 1956; H.-G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, s. 692; Б. Т. Горянов. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, с. 265, 284; V. Laurent. Le serment de l'empereur Andronic II Paléologue au patriarche Athanase Ier, lors de sa seconde accession au trône oecuménique (sept. 1303).—*REB*, v. 23, 1965, p. 124—139; K. P. Matschke. Politik und Kirche im spätByzantinischen Reich. Athanasios I, Patriarch von Konstantinopel 1289—1293—*WZKMU*, Bd. 15, 1966, s. 479—486; The provisioning of Constantinople during the winter of 1306 to 1307.—*Byzantion*, 37, 1967, p. 91—113; A. E. Laiou. Constantinople and the Latins. The foreign policy of Andronicus II 1282—1328. Cambridge (Mass) 1972.—Some letters of the Patriarch of Constantinople, Athanasios I, p. 333—340 (далее — Аф.).

² P. Charanis. On the Social Structure..., p. 151.

³ E. Francés. La feodalite byzantin et la conquête torque.—*Studia et acta orientalia*, v. 4, 1962, p. 86.

⁴ H. Ditten. Beziehungen zwischen Spanien und dem byzantinischen Bereich im Mittelalter (6.—15. Jahrhundert). Eine kurze Übersicht. Byzantinische Beiträge, hrsg. von J. Irmscher. Berlin, 1964, S. 260.

⁵ D. Zakyrtinos. Crise monétaire et crise économique à Byzance du XIIIe au XVe siècle. Athènes, 1948, p. 8. s. 21. S.

⁶ H. Ahrweiler. Byzance et la mer. La marine de guerre, la politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe—XVe siècles. Paris, 1966, p. 406.

⁷ Ibid., p. 377—378.

⁸ В. А. Сметанин. Расходы Византии на армию и флот (1282—1453 гг.).—*АДСВ*, вып. 12. Свердловск, 1975, с. 117—125.

⁹ А. И. Пападопуло-Керамевс. Жития двух вселенских патриархов XIV в.—св. Афанасия I и Исидора I. Спб., 1905, с. VII.

¹⁰ Bios kai politeia tou en agios patros emon Athanasiou archiepiscopou Konstantinoupoleos.—В кн.: А. И. Пападопуло-Керамевс. Жития..., с. 30.22—31.2 (далее — Биос).

¹¹ Афонский патерик или жизнеописания святых, во святой Афонской горе просиявших. Изд. 3-е, ч. 1. Спб., 1867, с. 355.

¹² Там же, с. 358.

¹³ В. А. Сметанин. Об объеме эпистолярного наследия поздневизантийских авторов.—*АДСВ*, вып. 10. Свердловск, 1973, с. 303.

¹⁴ Из 84 писем, перечисленных Ж. Минем, 60 адресованы императору.— J. P. Migne P. G., t. 142, col. 471—480.

¹⁵ Migne P. G., t. 142, col. 512 D. В русском переводе письма (Т. В. Попова. Византийская эпистолография.— В кн.: Византийская литература. М., 1974, с. 219) это предложение пропущено.

¹⁶ Псалтырь, 52, ст. 5.

¹⁷ A. Laiou. The provisioning of Constantinople ..., s. 94.

¹⁸ Ibid., s. 105.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibid., s. 113.

²¹ Ibid., s. 106.

²² Афонский патерик..., с. 364.

²³ Евангелие от Матфея, 15. 36—37.

²⁴ V. Laurent. Le serment ..., p. 129.

²⁵ Ibid., p. 138.

²⁶ Афонский патерик..., с. 362—363.

²⁷ A. Laiou. The provisioning of Constantinople ..., s. 111.

²⁸ O. Tafrali. Thessalonique au XIVème siècle. Paris, 1913, p. 120.

²⁹ P. Charanis. On the Social Structure ..., p. 151.

³⁰ K. P. Matschke. Politik und Kirche ..., s. 484.

³¹ F. J. G. la Porte du Theil. Les Opuscules et les Lettres anecdotes de Théodore l'hyrtacénien.— Notice et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, t. 6. Paris, 1800, p. 35 (ep. 74. 18—21).

³² Ibid., p. 35 (ep. 74. 20—21); p. 36 (ep. 77. 23—24).